

Бэл Кауфман отвечает на письма своего деда

В Киеве прошел фестиваль «Блуждающие звезды» в честь Шолом-Алейхема

Янина СОКОЛОВСКАЯ

Девочку назвали Бэл. Имя придумал дед — писатель Шолом-Алейхем. Писательница Бэл Кауфман, автор широко известной и всеми любимой книги «Вверх по лестнице, ведущей вниз», говорит: «Слава деда осветила и меня».

Бэл возродила американский Мемориальный фонд Шолом-Алейхема, захнувший после смерти жены писателя. Президентом структуры Бэл назначила своего мужа — Сиднея Глака. Он, облеченный доверием и деньгами «Джойнта» и Фонда Сороса, провел в Киеве театральные фестивали к 140-летию со дня рождения Шолом-Алейхема.

Фестиваль стал тезкой романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды». Только приехав в Киев, Бэл с удивлением обнаружила, что «мероприятие» назвали «Странствующими звездами»: «Немножко перепутали».

Кауфман привезла в Киев большую команду потомков Шолом-Алейхема вплоть до правнуков. Никто из них, правда, писателя не знал, Бэл — последняя, видевшая его в живых. Наследники честно улыбались и по любому поводу говорили «здоровствуйте» — единственное знакомое им русское слово. Язык, на котором говорил писатель, помнят лишь 88-летняя Бэл да ее брат Шервин Кауфман.

— Брат был врачом, но теперь у него прорезались гены — начал писать песни — и музыку, и слова. Его творения популярны в Штатах. Почти все в нашей семье если не врачи, то доктора. Я доктор филологии, мой сын и внучка — доктора математики, дочь — философии. Лишь датское ответвление рода Шолом-Алейхема профессионально занимается театром.

Ни одна из трех наших ветвей не осталась в России, на Украине. Потомки Шолом-Алейхема обосновались в Израиле, в Америке и в Дании. И сам писатель, живший в Киеве, умер молодым в Нью-Йорке, в Бронксе, в бедности, от туберкулеза и диабета. Помню, ему все время хотелось пить, и он говорил своей дочке — моей маме Ляле — что точно знает: от голода он не умрет, умрет от жажды.

— Видимо, именно смерть Шолом-Алейхема в Нью-Йорке и позволила вашей семье уехать в Америку из послереволюционной России.

— Мы выехали и выжили чудом, благодаря Шолом-Алейхему. Мой отец Михаил Кауфман был врачом, мы имели дом в Одессе, считались зажиточными, буржуями. Мы уехали в Москву, чтобы

пробыться к тогдашнему руководителю культуры Луначарскому и получить его разрешение на выезд. Мама сумела попасть к нему на прием и объяснила: «Я — дочь Шолом-Алейхема, хочу со своими близкими съездить в Нью-Йорк навестить мою мать, вдову писателя». Луначарский сказал, что он читал, любил и уважал моего деда, назвал его пролетарским писателем. В итоге нас отдельным вагоном доставили в Ригу, а оттуда кораблем в Америку. Вместе с нами плыл Станиславский со своей труппой — на гастроли в США. Кто-то снял меня у него на колени — белесую и прозрачную.

— Ваша первая книга «Вверх по лестнице, ведущей вниз» — записки учительницы английского языка. Когда она вышла, многие сравнивали стиль ваш и деда, говорили, что высокие тиражи этой книге обеспечила известность Шолом-Алейхема.

— Мою книжку купили 7 миллионов человек, она до сих пор переиздается и успешно продается в Америке. Ее перевели на 17 языков, в том числе на японский и русский. Говорят, когда ее напечатывали в «Иностранной литературе», журнал рвали из рук. Ко мне шли письма учителей, они спрашивали: откуда я так хорошо знаю их школы, их детей? Наверное, у меня просто получились интересные образы. Я 30 лет проработала учительницей, сменила 12 школ, у меня была возможность изучить «композицию». И когда меня спрашивают, кем я себя чувствую — внучкой Шолом-Алейхема или самостоятельной писательницей

Кауфман, я отвечаю: учительницей. Я была очень хорошим преподавателем, я любила детей, они — меня.

Мне стыдно в этом признаться, но писательница Кауфман — большая ленивица. Коллеги, если доживают до моих лет, имеют по две полки своих книг. Я же сделала всего две. Вторая мне нравится гораздо больше, она глубже и, кажется, сильнее предыдущей. Называется «Любовь и все прочее». Она о нас, о взрослых, о нашей любви, она с юмором говорит о русском, но неудачно.

— Вы пишете смешно о серьезном, пытаетесь следовать стилю деда?

— Я стыжусь сказать «да». Как я могу? Как смею? Но мне говорят, что мое письмо похоже на деда. Что ж, спасибо за комплимент.

— Вы говорили, что собираетесь написать новую книгу — роман в письмах Шолом-Алейхему...

— У меня осталось много писем, которые дед адресовал мне. В них он называет себя «папа» — он был моложавым, у меня не поворачивался язык обратиться к нему «дедушка». В этих письмах он рассказывает, как любит меня, как верит в то, что я научусь писать. Я хочу сделать книгу ответов ему, рассказать, какой стала жизнь после него, как изменились Одесса, Киев — в нем больше не слышен язык Шолом-Алейхема.

— В вашей семье русский язык сохранился благодаря кому?

— Мама сберегла его для меня и моего брата Шервина. Переехав

в Америку, она отказалась учить английский, и мы были вынуждены помнить родную речь. Мама поступила так же, как ее отец Шолом-Алейхем, разговаривавший с нами исключительно на русском.

— Раньше вы довольно часто приезжали в Киев, в Москву, наши писатели зывали вас за «круглые столы», многих из них вы называли своими друзьями. С наступлением нового времени эта связь оборвалась?

— Ее не стало, как и нашего дома в Одессе, на Ришельевской. Мне даже не позволили в него зайти — его как раз разрушали. Так и с московскими друзьями. Раньше я по несколько раз в году бывала в России, меня приглашал Союз писателей. Мы дружили с Евтушенко, Вознесенским, Ахмадулиной, за мной ухаживал Прут, я так его любила, замечательный человек был... Умер. Нет и другого изумительного приятеля — Анатолия Рыбакова. Когда он переехал в Америку, мой муж помог ему обустроиться в Колумбийском университете, получить пенсию и жилье, потом мы нашли ему квартиру на Манхэттене. Он очень болел, писал, посвящал мне книжки. Очень горько было его потерять.

— Теперь вы отошли от дел или, как и раньше, продолжаете сотрудничать с американскими журналами?

— Писать продолжаю. Но основным моим занятием стали лекции, с которыми езжу по разным штатам. Это моя вторая профессия. Раньше у меня было несколько своих бюро, но теперь в них нет нужды, заказов хватает, мне звонят, приглашают, и если я свободна, обязательно соглашаюсь. Я не только рассказываю людям о Шолом-Алейхеме и русских писателях, я разговариваю с публикой о жизни, о дружбе, о семье. Это возвращает меня к моему прошлому.

Бэл Кауфман хотела повторить эпизод 86-летней давности — сфотографироваться рядом с дедом, но уже памятником ему в Киеве, в той же диспозиции, что и на снимке 13-го года.

— Я до сих пор храню то платье, в котором стою на старой карточке. Его носила моя дочка, внучка, сейчас бережем его для правнучки.

Бэл кропотливо выстраивает кадр. Она — справа, бронзовый Шолом-Алейхем — слева, улыбается, приподняв шляпу.

— Как страшно, помня живого деда, фотографироваться рядом с памятником, — говорит всех пережившая Бэл.

Киев

Цувертис, - 1999 - 12 окт. - с.8